
Е.В. Амелина

Речевые характеристики героев в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души»

В одной из своих статей Белинский замечает, что «автор “Мертвых душ” нигде не говорит сам, он только заставляет говорить своих героев сообразно с их характерами. Чувствительный Манилов у него выражается языком образованного в мещанском вкусе человека, а Ноздрев — языком *исторического* человека...» Речь героев у Гоголя психологически мотивирована, обусловлена характерами, образом жизни, типом мышления, ситуацией.

Так, в Манилове доминирующими чертами являются сентиментальность, мечтательность, благодушие, чрезмерная чувствительность. Эти качества героя необыкновенно точно переданы в его речи, изящно-витиеватой, учтивой, «деликатной», «приторно-сладкой»: «наблюсти деликатность в своих поступках», «магнетизм души», «именины сердца», «духовное наслаждение», «паренье эдакое», «препочтеннейший и прелюбезнейший человек», «не имею высокого искусства выражаться», «случай доставил мне счастье».

Манилов тяготеет к книжно-сентиментальным фразам, в речи этого персонажа мы чувствуем гоголевскую пародию на язык сентиментальных повестей: «Разинь, душенька, свой ротик, я тебе положу этот кусочек». Так он обращается к жене. Не менее «любезен» Манилов и с Чичиковым: «удостоили нас своим посещением», «позвольте вас попросить расположиться в этих креслах».

Одна из основных особенностей речи помещика, по замечанию В. Литвинова, «ее расплывчатость, запутанность, неопределенность». Начиная фразу, Манилов как будто сам попадает под впечатление собственных слов и не может четко закончить ее.

Характерна и речевая манера героя. Манилов разговаривает тихо, вкрадчиво, замедленно, с улыбкой, порой зажмуривая глаза, «как кот, у которого слегка пощекотали за ушами пальцем». Выражение лица его при этом делается «не только сладкое, но даже приторное, подобное той микстуре, которую ловкий светский доктор засластил немилосердно».

В речи Манилова заметны и его претензии на «образованность», «культурность». Обсуждая с Павлом Ивановичем продажу мертвых душ, он задает ему высокопарный и витиеватый вопрос о законности данного «предприятия». Манилова очень волнует, «не будет ли эта негодия несоответствующею гражданским постановлениям и дальнейшим видам России». При этом он показывает «во всех чертах лица своего и в сжатых губах такое глубокое выражение, какого, может быть, и не видано было на человеческом лице, разве только у какого-нибудь слишком умного министра, да и то в минуту самого головоломного дела».

Характерна в поэме и речь Коробочки, простой, патриархальной матушки-помещицы. Коробочка совершенно необразованна, невежественна. В речи ее постоянно проскальзывает просторечие: «нешто», «ихний-то», «маненько», «чай», «ахти», «забранки пригинаешь».

Коробочка не только проста и патриархальна, но боязлива и глуповата. Все эти качества героини проявляются в ее диалоге с Чичиковым. Боясь обмана, какого-то подвоха, Коробочка не спешит соглашаться на продажу мертвых душ, полагая, что они могут «как-нибудь понадобится в хозяйстве». И только ложь Чичикова о ведении казенных подрядов подействовала на нее.

Гоголь изображает и внутреннюю речь Коробочки, в которой передана жизненно-бытовая сметливость помещицы, та самая черта, которая помогает ей набирать «по-немногу деньжонок в пестрядевые мешочки». «Хорошо бы было, — подумала между тем

про себя Коробочка, – если бы он забирал у меня в казну муку и скотину. Нужно его задобрить: теста с вчерашнего вечера еще осталось, так пойти сказать Фетинье, чтоб спекла блинов...»

Необыкновенно колоритна в «Мертвых душах» речь Ноздрева. Как заметил Белинский, «Ноздрев говорит языком исторического человека, героя ярмарок, трактиров, попоек, драк и картежных проделок».

Речь героя очень пестра и разнообразна. В ней присутствует и «уродливый офранцуженный жаргон армейски-ресторанного пошиба» («безешки», «клик-матрадура», «бурдашка», «скандальозно»), и выражения карточного жаргона («банчишка», «гальбик», «пароле», «сорвать банк», «играть дублетом»), и термины собаководства («мордаш», «бочковатость ребер», «брудастая»), и множество бранных выражений: «свинтус», «каналья», «черта лысого получишь», «фетюк», «бестия», «скотовод ты эдакий», «жидомор», «подлец», «смерть не люблю таких растепелей».

В своих речах герой склонен к «импровизациям»: зачастую он сам не знает, что может придумать в следующую минуту. Так, он рассказывает Чичикову, что за обедом выпил «семнадцать бутылок шампанского». Показывая гостям имение, он ведет их к пруду, где, по его словам, водится рыба такой величины, что ее с трудом могут вытащить два человека. При этом ложь Ноздрева не имеет какой-либо видимой причины. Он привирает «для красного словца», желая поразить окружающих.

Ноздреву свойственна фамильярность: с любым человеком он быстро переходит на «ты», «ласково» называет собеседника «свинтусом», «скотоводом», «фетюком», «подлецом». Помещик «прямолинеен»: в ответ на просьбу Чичикова о мертвых душах он заявляет ему, что тот «большой мошенник» и его следует повесить «на первом дереве». Однако после этого Ноздрев с тем же «пылом и интересом» продолжает «дружескую беседу».

Речь Собакевича поражает своей простотой, краткостью, точностью. Помещик живет уединенно и нелюдимо, он по-своему скепичен, обладает практическим умом, трезвым взглядом на вещи. Поэтому в своих оценках окружающих помещик нередко груб, в речи его присутствуют бранные слова и выражения. Так, характеризуя городских чиновников, он называет их «мошенниками» и «христопродавцами». Губернатор, по его мнению, «первый разбойник в мире», председатель — «дурак», прокурор — «свинья».

Как отмечает В. Литвинов, Собакевич сразу схватывает суть разговора, героя не легко сбить с толку, он логичен и последователен в споре. Так, аргументируя запрошенную за мертвые души цену, он напоминает Чичикову, что «такого рода покупки... не всегда позволительны».

Характерно, что Собакевич способен и на большую, вдохновенную речь, если предмет разговора ему интересен. Так, рассуждая о гастрономии, он обнаруживает знание немецких и французских диет, «лечения голодом». Речь Собакевича становится эмоциональной, образной, яркой и когда он рассуждает о достоинствах умерших крестьян. «Другой мошенник обманет вас, продаст вам дрянь, а не души; а у меня что ядреный орех», «я голову прозакладую, если вы где сыщете такого мужика», «Максим Телятников, сапожник: что шилом кольнет, то и сапоги, что сапоги, то и спасибо». Описывая свой «товар», помещик сам увлекается собственной речью, обретает «рысь» и «дар слова».

Гоголь изображает и внутреннюю речь Собакевича, его мысли. Так, отмечая «упорство» Чичикова, помещик замечает про себя: «Его не собьешь, неподатлив!»

Последним из помещиков в поэме появляется Плюшкин. Это старый скряга, подозрительный и настороженный, вечно чем-то недовольный. Уже сам визит Чичикова выводит его из себя. Нимало не стесняясь Павла Ивановича, Плюшкин заявляет ему, что «в гостях мало проку». В начале визита Чичикова помещик разговаривает с ним настороженно и раздраженно. Плюшкин не знает, каковы намерения гостя, и на всякий случай

предупреждает «возможные поползновения» Чичикова, вспомнив о попрошайке-племяннике.

Однако в середине беседы ситуация резко меняется. Плюшкин уясняет, в чем суть просьбы Чичикова, и приходит в неописуемый восторг. Все интонации его меняются. Раздражение сменяется откровенной радостью, настороженность — доверительными интонациями. Плюшкин, не видевший проку в гостях, называет Чичикова «батюшкой» и «благодетелем». Растроганный, помещик вспоминает «господа» и «святителей».

Однако Плюшкин недолго пребывает в таком благодущии. Не найдя чистой бумаги для совершения купчей, он вновь превращается в ворчливого, сварливого скрягу. Весь свой гнев он обрушивает на дворовых. В речи его появляется множество бранных выражений: «какая рожа», «дурак», «дурачина», «разбойница», «мошенница», «каналья», «черти припекут тебя», «воришки», «бессовестные тунеядцы». Присутствует в лексиконе помещика и просторечие: «бают», «козявки», «здоровенный куш», «чай», «эхва», «напичкались», «ужо».

Гоголь представляет нам и внутреннюю речь Плюшкина, обнажая подозрительность и недоверчивость помещика. Великодушие Чичикова кажется Плюшкину невероятным, и он думает про себя: «Ведь черт его знает, может быть, он просто хвастун, как все эти мотишки: наврет, наврет, чтобы поговорить да напиться чаю, а потом и уедет!»

Речь Чичикова, как и речь Манилова, необыкновенно изящна, витиевата, насыщена книжными оборотами: «незначачий червь мира сего», «я имел честь покрыть вашу двойку». Павел Иванович обладает «прекрасными манерами», он может поддержать любой разговор — и о лошадином заводе, и о собаках, и о судейских проделках, и о бильярдной игре, и о выделке горячего вина. Особенно хорошо рассуждает он о добродетели, «даже со слезами на глазах». Характерна и сама разговорная, манера Чичикова: «Говорил ни громко, ни тихо, а совершенно так, как следует».

Стоит отметить особенную маневренность и подвижность речи героя. Общаясь с людьми, Павел Иванович мастерски приспособливается к каждому из собеседников. С Маниловым он говорит витиевато, значительно, пользуется «туманными перифразами и чувствительными сентенциями». «Да и действительно, чего не потерпел я? как барка какая-нибудь среди свирепых волн... Каких гонений, каких преследований не испытал, какого горя не вкусил, а за то, что соблюдал правду, что был чист на своей совести, что подавал руку и вдовице беспомощной и сироте горемыке!.. — Тут даже он отер платком выкатившуюся слезу».

С Коробочкой Чичиков становится добрым патриархальным помещиком. «На все воля божья, матушка!» — глубокомысленно заявляет Павел Иванович в ответ на сетования помещицы о многочисленных смертях среди крестьян. Однако, поняв очень скоро, насколько глупа и невежественна Коробочка, он уже не особенно церемонится с ней: «да пропади и околеи со всей вашей деревней», «словно какая-нибудь, не говоря дурного слова, дврняжка, что лежит на сене: и сама не ест, и другим не дает».

В главе о Коробочке впервые появляется внутренняя речь Чичикова. Мысли Чичикова здесь передают его недовольство ситуацией, раздражение, но одновременно и бесцеремонность, грубость героя: «Ну, баба, кажется, крепколобая!», «Эк ее, дубинно-головая какая!... Пойди ты сладь с нею! в пот бросила, проклятая старуха!»

С Ноздревым Чичиков разговаривает просто и лаконично, «пытается стать на фамильярную ногу». Он прекрасно понимает, что здесь ни к чему глубокомысленные фразы и красочные эпитеты. Однако разговор с помещиком ни к чему не приводит: вместо удачной сделки Чичиков оказывается втянут в скандал, который прекращается только благодаря появлению капитана-исправника.

С Собакевичем Чичиков сначала придерживается своей обычной манеры разговора. Потом он несколько уменьшает свое «красноречие». Более того, в интонациях Павла Ивановича при соблюдении всех внешних приличий чувствуется нетерпение и раздраже-

ние. Так, желая убедить Собакевича в совершенной бесполезности предмета торга, Чичиков заявляет: «Мне странно право: кажется, между нами происходит какое-то театральное представление или комедия, иначе я не могу себе объяснить... Вы, кажется, человек довольно умный, владеете сведениями образованности».

То же самое чувство раздражения присутствует и в мыслях героя. Здесь уже Павел Иванович не стесняется «более определенных» высказываний, откровенной брани. «Что он, в самом деле, – подумал про себя Чичиков, – за дурака, что ли, принимает меня?» В другом месте читаем: «Ну, уж черт его побери, – подумал про себя Чичиков, – по полтину ему прибавлю, собаке, на орехи!»

В разговоре с Плюшкиным к Чичикову возвращаются его обычная любезность и высокопарность высказываний. Павел Иванович заявляет помещику, что «наслышась об экономии его и редком управлении имениями, он почел за долг познакомиться и принести лично свое почтение». Плюшкина он называет «почтенным, добрым стариком». Этот тон Павел Иванович выдерживает в течение всего разговора с помещиком.

В мыслях же Чичиков отбрасывает «все церемонии», внутренняя речь его далека от книжности и достаточно примитивна. Плюшкин неприветлив, негостеприимен по отношению к Павлу Ивановичу. Помещик не приглашает его обедать, мотивируя это тем, что кухня у него «низкая, прескверная, и труба-то совсем развалилась, начнешь топить, еще пожару наделаешь». «Вон оно как! – подумал про себя Чичиков. – Хорошо же, что я у Собакевича перехватил ватрушку, да ломоть бараньего бока». Спрашивая Плюшкина о продаже беглых душ, Павел Иванович сначала ссылается на своего приятеля, хотя покупает их для себя. «Нет, этого мы приятелю и понюхать не дадим», – сказал про себя Чичиков...» Здесь явственно чувствуется радость героя от удачной «сделки».

Таким образом, речь героев, наряду с пейзажем, портретом, интерьером, служит в поэме «Мертвые души» средством создания целостности и законченности образов.